

***

Вышел месяц, вынул из кармана,
в фонарях на лужах пузыри,
человек спускается по крану,
по крутому башенному крану
шаткой лестницей, что у него внутри.

Светом от прожектора пронизан
и ещё подсвечен изнутри,
он в себе спускается до низа,
до привычных обжитых своих глубин.

Он застынет, плохо прорисован,
остановится в себе в конце концов,
в глубине холодного кессона
с трёхлитровкой изумрудных огурцов.

Что-то он забыл на этом свете,
где-то уходя не погасил.
Почему же светится он, светел?
«Что же я свечусь-то так, дебил!»

По карманам, рукавам распихан,
и убавить-прикрутить уже никак,
Свет. И тени от него на ликах,
ранее ушедших доходяг.

***

После долгой болезни, ну – поймали – запоя,
Тормознёт у подъезда: чё туг, ёпта, такое?!
Пусть с утра он болеет, но к обеду наглядно
Поправляет на небе и земле непорядок.
Примотав изолентой, проколов в два стежка,
Стайка ангелов мелких – надо лбом, как мошка.
И висит над скамейкой на сопле, на припое
В пузырях самоклейки голубо-голубое.

***

Улица Дачная, грязная, мрачная,
у остановки, подумай,
мне показалось, что птица прозрачная
с ветки зелёной вспорхнула.

Гвалт, злая музыка, ругань крошечная,
пыль, дым столбом. И обидно,
что только здесь это в воздухе подмешано,
так, что её стало видно.

Кажется нет ничего невозможного –
столько открыточных видов,
но только здесь это в воздухе вложено,
в улочной пыли налито.

Где век от века пейзаж не изменится,
пятница ли, понедельник ли,
птица прозрачная с перышком перистым –
на остановке, в репейнике.

***

Притормози слегка, раскручивая глобус:
Вот – море, вот – река, полей кривой отрез,
Старухи едут в рай, набились в автобус,
Водитель ждёт старух, кондуктор ждёт чудес.
Прекрасно и легко всё в этой мизансцене –
Их лица не видны, но пёстро от платков,
И выцвела давно вторая часть «Райцентра».
Старухи едут в рай – не очень далеко.
И он спешит туда – в засаленной спецовке,
С нехитрым барахлом на собственном горбу,
Оставь его стоять на этой остановке,
Он постоит, ему не скучно одному.
Он постоит ещё, его надолго хватит,
Пусть держится на нём вот этот край небес,
Пришли за ним потом воздушный самокатик
Или заставь идти на лыжах через лес.

***

Был пруд, и в том пруду – полно амфибий.
– О, греки амфибрахий и пиррихий! –
Загон, в котором я пасу гусей,
стрижи, что разгромили партитуру,
клянусь тобой, моя литература,
мне никаких не надо новостей!
Вот облако зависло мягкой глыбой,
есть фото: баба Маня чистит рыбу –
пузатых задремавших карасей.
Есть фото, на котором живы все.
Они как будто дымом или фоном,
слегка не в фокусе или совсем за домом,
уехали на рынок, за грибами,
ушли на озеро или стоят за баней,
и всё же – где-то рядом с бабой Маней,
за ситцевой худой её спиной.
Оглянется – они стоят стеной.
И крутится щенок, как заводной,
и радуется, и немного трусит,
и котики, схороненные Люсей,
и котики, схороненные мной...

И крутит колесо своё фортуна,
и латы карасей лежат, латунны.
Мне больше даже нечего просить!
За этот вдох или за этот выдох.
– О, греки амфибрахий и пиррихий! –
За то, что я могу их воскресить.

***

Хорошо да сладко спать, не бояся мёртвых,
в старом бабкином халате, на грудях протёртом.
Никого не узнавати, точно знать, наверно,
в новом матушкином платье, что твоя царевна.
В одеяльце тонкой байки спать да спать укрывшись,
в тяткиной линиялой майке с лопнувшей подмышкой.
Хорошо да сладко спать, знать, что смерти нету,
пусть толпятся у кровати, согревают светом.
Но они кровать качают, одеялку тянут,
свет рассветный излучают, ждут, когда я встану.
Встану-встану, дорогие, наведу порядок –
прополоть приду могилоч сумрачные грядки.
Вы теперь опять далече, оттого тиха я,
улыбнись лишь, как замечу бабочку, жука ли.

***

Первый муж – Василий и второй – Василий,
Первый нелюбимый, а второй – ох, сильно!
Васька – окаянный, Вася – золотой,
Не донежил первый, помер и второй.
– Ноги-то не ходят, ты уж отнеси
Свечку на медовый Васе-Иваси.
Сунула бумажку и конфет дешёвых:
– Да не перепутай, это – за второго!
Царствия небесного Васе попроси!
Ходят почтальонши по святой Руси.
– Да не перепутай! – Ну уж, чай, не дура!
В первый раз как будто! Что ты, баба Шура!
– Тут тебе не почта, аккуратно надо,
Ну как перепутаешь, Люся, адресата!
И всю ночь бродила – чаю напилася:
«Ох, Васюта-милий! Ах, скотина-Вася!»

***

Птицы-синицы проворней куница,
умной куницы глупей голубица,
вот потому – только перья от птицы,
корка картонная с надписью «Пицца».
Нет, никому я, признаться, не верю,
выйдешь за дверь, только темень за дверью,
мокрое место от пойманной птицы
и от второй – только перья.
Шарик стеклянный, ларёк оловянный,
я – буратино твоя, деревянный,
сонно по синему снегу прошкрябаю,
дверь затворю – никому не открою.
Русь – рукавица, голица дырявая,
выглянешь в дырку – дымок над рекою.